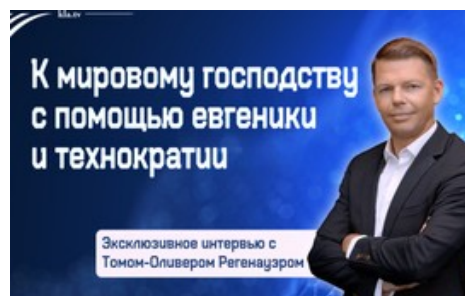

К мировому господству с помощью евгеники и технократии – эксклюзивное интервью с Томом-Оливером Регенауэром

Есть ли какой-нибудь план достижения мирового господства? Анализ Тома-Оливера Регенауэра показывает многогранный кризис, направленный на преобразование человечества. Хотя кажется, что существуют противоречивые структуры власти и государства, в конечном итоге все идет в направлении технократии и евгеники. В этом контексте Регенауэр также рассматривает такие аспекты, как платформенная экономика, война и финансовая система, как средства реализации этой повестки дня и считает: „Так что действуйте, встаньте с дивана и не поглощайте кризис, как если бы это был художественный фильм! Это жизнь всех нас, и это то, что можно изменить, потому что будущее не определено, и это то, что мы все еще можем изменить сейчас”

«Тогда становится ясно, что все они преследуют одну и ту же повестку дня. Но это не значит, что она не послужит причиной войны. Потому что, к сожалению, война — лучший бизнес для правящей касты». [...] То, что нам показывают в СМИ, – это, как правило, нечто вроде мыльной оперы. [...] Если я хочу и дальше выступать в СМИ с моделью демократии и говорить, что это лучшая демократия всех времен, то я, конечно, не могу пойти и сказать, что у нас теперь мировое правительство, состоящее из восьми пожилых господ, которые собираются в закулисы и принимают решения за весь мир. Так, конечно, не пойдет. [...] Поэтому нужно действовать, встать с дивана и не воспринимайте кризис, как художественный фильм. Это жизнь всех нас, и ее можно формировать, потому что будущее не предопределено [заранее], его еще можно изменить.

Kla.TV: Сегодня я поехал в Швейцарию, чтобы поговорить с одним особенным человеком. Он знает как мельчайшие детали, так и общую картину, умеет связать воедино разные аспекты. Он родился в 1978 году, музыкант, автор нескольких книг, руководитель предприятия, радиоведущий, предприниматель и бизнес-консультант. Он жил и работал в 20 странах, говорит на пяти языках и благодаря этому получил обширное представление о мире. Он не из тех, кто просто повторяет чужие мнения или следует нарративам, а сам приходит к сути вещей. Добро пожаловать в студию в Хуре, Том-Оливер Регенауэр.

Том-Оливер Регенауэр: Большое спасибо за приглашение.

Kla.TV: Да, мы рады такой возможности. Сегодня мы поговорим на тему «Структуры власти» или «Кто правит миром?». Мой первый вопрос – давайте начнем с мировой ситуации – в мире снова война, в Украине, в секторе Газа, в Йемене, везде гонка

вооружения. ЕС вновь принял решение выделить 150 миллиардов евро на создание производственных мощностей для оружия и логистики. В то же время растут напряженность и противоречия между крупными державами – США, Россией, Китаем. Но и в Европе, на Ближнем Востоке, в Индии, Пакистане, Иране повсюду кипят страсти. И одновременно мы приближаемся к кульминации машинного века. Все, что можно оцифровать, оцифровывается — от валюты, центральных цифровых валют, до искусственного интеллекта, который в конечном итоге должен проникнуть во всё и вся. Мы слышали о мозговых имплантатах, превращающих человека в своего рода киборга [живое существо, технически дополненное или расширенное] – в человека-машину или машинного человека, если он вообще остается человеком. И мой первый вопрос к вам: являются ли эти события случайными и независимыми друг от друга, или за ними стоит какой-то план или программа?

Том-Оливер Регенауэр: Это всегда зависит от того, с какой точки зрения на это смотреть. Я называю это – или, как это часто называют, – поликризисом [несколько кризисов одновременно, которые влияют друг на друга или усиливают друг друга]. С одной стороны, есть технологический аспект, который ведет к трансгуманизму [попытки расширить человеческие возможности с помощью технологий] или, по сути, является результатом движения технократии. В 1917 году на восточном побережье США началось движение технократии [сторонники формы правления, когда технические знания являются основой власти], которое затем, если проследить в деталях, развилось в индустрию цифровизации, платформенную экономику [бизнес-модель, которая с помощью цифровых платформ позволяет обмениваться продуктами, услугами или данными] или экономику наблюдения [сбор, анализ и коммерческое использование (покупательского) поведения посредством постоянного наблюдения и анализа данных] — в зависимости от того, как я это называю. Это, безусловно, технологический аспект. С другой стороны, есть, конечно, военный аспект, то есть военно-промышленный комплекс, как это красиво называют. Война никогда не исчезала. То есть не то чтобы сейчас снова началась война. Войны были всегда. Если я правильно помню, с момента основания США не было войны 17 или 14 лет. Это говорит о многом. Таким образом, мы фактически находимся в ситуации 5G-войны, то есть войны пятого поколения. И речь идет не только о кинетической войне [военных, физических боевых действиях], но и о когнитивной войне [направленной на влияние на ментальные и эмоциональные процессы противника], о которой так часто говорят. У НАТО есть свой веб-сайт под названием NATO Innovation Hub [<https://innovationhub-act.org/>]. Там речь идет о когнитивной войне. И здесь мы очень быстро возвращаемся к аспекту технологии, потому что все мы уже знакомы из повседневной жизни с тем, что я всегда называю «смоби», от слов «смартфон» и «зомби», когда они ходят по улицам. Большинство людей занимаются своим смартфоном, даже когда гуляют с собакой или ребенком. И это инвазивная [проникающая] технология. И это, конечно, влияет на наш мозг, на физическое и психическое состояние людей. Поэтому у нас наблюдается так называемая эпидемия изоляции. Люди становятся все более одинокими, сосредоточенными на этом красочном цифровом мире, который я называю «Шоу Трумана», как и книга [https://shop.tredition.com/booktitle/TRUMAN_SHOW/W-259-920-427] — это последняя. На самом деле на Ваш вопрос трудно ответить. Потому что это очень обширная повестка дня такой войны 5G, которая, с одной стороны, явно движется в направлении кинетической войны и, следовательно, к разрушительным изменениям в мировой экономике и мировой валютной системе. А с другой стороны, есть очень сильный компонент когнитивной войны, где работа ведется на всех

фронтах – со стороны НАТО, со стороны крупных технологических компаний, а затем и в более широкой форме, например, в виде трансгуманистической повестки дня, где мы быстро переходим к Neuralink [американская нейротехнологическая компания] или подобным компаниям, когда компания Илона Маска хочет создать мозговые имплантаты и соединить их с ИИ, облаком. Это и есть биоцифровая конвергенция, то есть слияние человека и машины в более широком смысле. И тогда, конечно, в какой-то момент возникает вопрос: насколько это еще человеческое? Это очень сложный вопрос, о котором я мог бы прочитать двухчасовую лекцию. Вкратце ответить на него довольно сложно. Но, если говорить проще, мы действительно находимся в состоянии поликризиса и, вероятно, нас ждут потрясения невиданного масштаба. Вопрос в том, как быстро они произойдут и в какой форме будут разрушительными [радикальными]? Цифровизация, или технократический трансгуманизм, безусловно, будет постепенным процессом, постепенным изменением, которое потребует нескольких поколений, чтобы укорениться. Другое может произойти гораздо быстрее — кинетическая война — в принципе, в нужном месте не хватает решающего огня, и тогда это может вызвать пожар — будь то на Ближнем Востоке, в Тайване, Китае, США или в России, НАТО, Украине. Так что нас, безусловно, ждут разрушительные времена и, к сожалению, вероятно, также военные.

Kla.TV: Вернёмся к национальному уровню. Есть несколько противоборствующих наций: США, Россия, Китай. У них у всех разные цели, или в сущности они одинаковы?

Том-Оливер Регенауэр: С более высокой точки зрения, я всегда называю это 2D- и 3D- или 4D-уровнем политики или геополитики. На 2D-уровне мы видим реальные конфликты – сейчас, конечно, между Украиной и Россией, – где гибнут люди, слишком много людей, в реальной кинетической войне. На уровне выше, на 3D-уровне, так сказать, существуют вышеупомянутые институты, такие как ООН или Банк международных расчетов в Базеле. И если посмотреть, например, на историю Первой или Второй мировой войны, то именно в этих институтах и организациях велись переговоры. То есть там, где нет войны, где встречаются соответствующие ответственные лица и смотрят, что делать. То есть с точки зрения простого рабочего, воюющего гражданина, все выглядит именно так, и действительно существует кинетический конфликт, то есть угроза войны. Китай, Америка, военное положение в Украине. Но с другой стороны, нужно видеть, что все 193 государства-члена ООН присоединились к Повестке дня на период до 2030 года и соответственно поддерживают и внедряют ее. Это очень наглядно видно на примере того, что сейчас Америка с помощью Palantir внедряет «Immigration OS», то есть операционную систему для миграции, которая в принципе накапливает неизвестное количество данных, осуществляет сбор больших данных и тем самым делает нашу прозрачность чуть ли не привлекательной. Но все намного хуже. То есть все — от фитнес-трекера до смартфона — все, что каким-либо образом доступно в виде данных, будет «объединено» и затем, в принципе, использовано в сфере миграции для борьбы с проблемой миграции. То же самое, конечно, сейчас происходит в Германии, где говорят, что мы получим цифровой ID и цифровой кошелек [электронный кошелек на смартфоне]. Нам тогда понадобятся соответствующие платежные карты для мигрантов. Все это будет подвергаться полному контролю, и Россия делает точно то же самое. Два дня назад поступили сообщения, что в России сейчас также горячо обсуждается тема миграции, что там тоже вводят цифровые удостоверения личности, что там тоже введут цифровую валюту в виде цифрового рубля. Таким образом, по

сути, повестка дня выполняется — если посмотреть на 17 целей в области устойчивого развития и соответствующие подцели. Особенно интересен пункт 16, потому что он касается институтов и т. д. Тогда становится ясно, что все они следуют одной и той же повестке дня. Но это не значит, что это не послужит поводом к войне. Ведь, к сожалению, война — лучший бизнес для правящей касты. С одной стороны, в области вооружений, где корпорации, точно так же как фармакологический, цифровой и финансовый комплексы, могут обогатиться за счет вооружений, ReArm Europe [новое название: «Readiness 2030», направлено на укрепление военного потенциала ЕС и повышение его стратегической автономии] и т. д. вместе с фон дер Ляйен. Это миллиарды, сотни миллиардов, которые затем поступают в эти корпорации, в раздутую биржевую инфраструктуру и растущие курсы акций. С другой стороны, война сама по себе, конечно, хороший бизнес для людей на третьем уровне. С одной стороны, они могут вводить вещи, которые в обычное мирное время были бы невозможны. В войне и в любви все дозволено, и, к сожалению, это так. Во время войны они могут реализовать вещи, которые в обычных условиях были бы невозможны, вспомните Бреттон-Вудскую финансовую систему после Второй мировой войны. Точнее, это было за два дня до официального окончания Второй мировой войны, когда уже была согласована новая мировая финансовая система. — По чему можно судить, что это было явным приоритетом? Не то чтобы закончилась война и смерть, а то, что была внедрена [введена] эта система; Бреттон-Вудская [международная валютно-финансовая система, принятая в 1944 году], а с ней и современная мировая финансовая система, а значит — это нужно видеть на более высоком уровне — и Банк международных расчетов (БМР). В то время как идет война, посланники и представители этих стран встречаются в очень гармоничной атмосфере и проводят заседания своих правлений, где принимают решения и строят планы по совершенно другим вопросам: что делать во время и после войны и кто получит от этого наибольшую выгоду? Я могу сослаться на свою статью под названием «БРИКС» [объединение важных стран с развивающейся экономикой, таких как Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка и с 2024 года другие страны]. В ней речь идет о конгломерате на финансовом уровне, то есть об азиатских банках, Банке международных расчетов, Международном валютном фонде, Всемирном банке и о том, как они связаны между собой. Там есть прекрасная цитата бывшего главы Центрального банка Китая, который сказал: «Мы не являемся конкурентами западной финансовой системы, мы ее дополняем». И когда все говорят: «Да, но ведь есть альтернативная система, альтернативная система SWIFT, созданная китайцами», но она настолько альтернативна, что просто называется по-другому и работает на базе сети SWIFT. Технически это просто сеть SWIFT под другим названием. Альтернативы нет. Они очень гармонично сотрудничают на этом уровне и следят за тем, чтобы, как и раньше, финансировать войны с обеих сторон, финансировать радикальные изменения с обеих сторон и организовывать и структурировать их так, чтобы это было выгодно всем участникам.

Kla.TV: Да. Итак, эти события — вы сейчас говорили о различных разрушительных событиях — связаны между собой или это вещи, которые, как я уже спрашивал, происходят параллельно и случайно связаны друг с другом? Здесь можно увидеть красную нить, проходящую через все это?

Том-Оливер Регенауэр: Можно четко проследить красную нить, и в принципе она зависит от того, как далеко мы уходим в прошлое. Если вернуться к концу XIX — началу

XX века, то одной из определяющих тем, безусловно, была евгеника [идея «улучшения» человеческой популяции путем целенаправленного размножения или предотвращения нежелательных черт]. Евгеника – продукт британцев. По сути, это была расовая теория, селекция человеческого вида и его оптимизация. Именно это и перекочевало из Великобритании в Америку. Там тоже возникло евгеническое движение и был создан Совет по евгенике. Это были официальные правительственные учреждения, которые занимались оптимизацией вида. И, конечно, цель касты, которая в основном управляла и поддерживала эту модель евгеники, заключалась в том, чтобы в принципе иметь относительно тупой, нетребовательный, послушный рабочий класс и правящую касту, которая бы использовала эту массу в своих интересах. Таким образом, именно одним из определяющих факторов является евгеника, с которой мы сегодня сталкиваемся в виде биоэтики, биоцифровой конвергенции [слияния человека и машины]. И именно термин «трансгуманизм» был введен в оборот Джулианом Хаксли, главой Британского общества евгеники — он дважды был директором Британского общества евгеники, а затем первым генеральным директором ЮНЕСКО. В учредительном документе ЮНЕСКО очень часто встречается термин «евгеника», и, конечно, это, в принципе, красная нить, которая проходит через всю историю уже более 100 лет. И когда после Адольфа Гитлера, режима национал-социализма [Национал-социалистическая немецкая рабочая партия под руководством Адольфа Гитлера] и нацистского периода в мире стало ясно, что о евгенике лучше не говорить, потому что это было то, что проповедовал Адольф Гитлер в своей расовой доктрине, то было решено, что мы будем называть это – так сказал Джулиан Хаксли – мы будем называть это трансгуманизмом.

Это звучит гораздо прогрессивнее, менее подозрительно в плане расовой теории, но в принципе это те же самые программы, которые сегодня встречаются нам в новом обличье. В конечном итоге все они основаны на евгенике. И второй компонент — это технократия [форма правления, в которой технические знания являются основой власти]. Это то, что возникло в 1917 году в Нью-Йорке, а затем в 30-х годах превратилось в Technocracy Inc. И это, я думаю, два доминирующих, лежащих в основе – я не говорю «плана», этой концепции – в конечном итоге это концепции, которые используются из поколения в поколение и упаковываются по-разному. Но в результате это основные факторы, которые определяют время как в кинетической войне, так и в когнитивной, а также в изменениях и потрясениях на общественном, социальном и психологическом уровне. Если разложить все по полочкам, то это евгеника и технократия.

Kla.TV: Конечно, сейчас это два движения, которые в конечном итоге направлены против человека. Говорят, что человека нужно улучшить с помощью имплантов в мозг, потому что он превращается в «тупое стадо». Видно, что человека намеренно подвергают воздействию вещей, которые ему вредны, таких как смартфоны, превращающие его в «зомби», а затем предлагают ему решение, которое в конечном итоге снова направлено против человека. Что это за люди, которые продвигают такое?

Том-Оливер Регенауэр: Сложно, да. Ведь нельзя заглянуть в головы этих людей и строить догадки. Но из их текстов можно многое понять. И в конечном итоге все это все равно напоминает – да, сейчас это модно говорить – неофеодализм [феодализм – политическая и социальная система средневековья, в которой землевладение было основной правящей властью] или неокOLONиализм. И я всегда говорю, что это, по сути,

тот же колониализм и тот же феодализм, которые существовали всегда, просто изменились инструменты этой касты. То есть то, что сегодня можно делать в области пропаганды, манипуляции СМИ, что в конечном итоге является когнитивной войной. Ведь в большинстве случаев речь идет не о содержании новости, а просто о массе информации. Очень немногие люди действительно могут различать, какие новости принимать и фильтровать, что важно, а что нет. Поэтому литература этой касты, которая очень открыто пишет о своих планах, в принципе постоянно говорит о том, что существует самосознание феодализма, что люди чувствуют себя избранными. Любимое выражение «голубая кровь», аристократия, которая считает себя выше обычного населения, в то время как я всегда говорю, что нет права главенствовать. Никто не имеет такого права, его никогда не было и никогда не будет. Все люди равны, но эти люди явно так не считают.

Kla.TV: Да. Затем в альтернативных СМИ очень часто говорят о новом мировом порядке – в смысле авторитарного, централизованного правительства, – о том, что в закулисных кабинетах определенные клубы/кланы договариваются о чем-то, чтобы потом принести это на благо миру. Основные СМИ, конечно, осуждают это как теорию заговора. Вопрос в том, каково ваше мнение по этому поводу? Что же на самом деле происходит?

Том-Оливер Регенауэр: Да, я имею в виду, что термин «теория заговора» впервые был использован в документах ЦРУ, на который я только что дал ссылку в своей последней статье. Конечно, это было запущено в то время, чтобы дискредитировать критиков истории Джона Ф. Кеннеди — то есть всех, кто как-то сомневался в официальной версии и отчете Уоррена и т. д., — и в результате их стали называть конспирологами, чтобы, по сути, заставить замолчать всех, кто не согласен с официальной точкой зрения. Конечно, это термин «фрейминг» [постановка термина в определенный контекст с целью вызвать определенные эмоциональные оценки], точно так же, как в кризисе с коронавирусом термин «коронавирусный отрицатель» или что-то в этом роде. Это не стоит принимать всерьез. Кроме того, нужно посмотреть на это с другой стороны: заговор — это правило, а не исключение. Если я работник компании, и меня чем-то беспокоит начальник, что я делаю со своими пятью коллегами? Я советуюсь с ними и пытаюсь как-то объединиться, чтобы либо что-то с этим сделать, либо заявить, что мы не одиноки. Это тоже можно назвать заговором. Но в конечном итоге это сотрудничество. Сотрудничество — это то, что отличает нас, людей. Это спонтанный порядок. Когда мы хотим что-то организовать в общине, в кругу друзей, у нас тоже возникает спонтанный порядок: мы звоним тем, кто может нам помочь, а затем создаем небольшую группу, которая что-то делает. То же самое делают эти люди. И, конечно, существует бесчисленное множество сообществ. Многие из них уже известны. Самый известный — это Всемирный экономический форум. Для меня это скорее отдел маркетинга, он также очень публичный. Есть еще конференции Бингемтона. Есть Богемский роща. Есть Le Cercle. Есть множество таких институтов, мозговых центров, фондов, в которых люди собираются в небольшие группы, чтобы в широком смысле сформировать повестку дня, которая следует евгенике и трансгуманизму. И я просто называю это сотрудничеством. Это самое обычное в мире. Проблема, конечно, в том, что мы, как нормальные люди, сосредоточены на других вещах. То есть мы сосредоточены на позитивном. Когда мы создаем кооперативы, мы хотим создать кооператив, мы хотим что-то изменить в кругу друзей, может быть, в общине, в местном совете. Это позитивные аспекты. Это сотрудничество на благо

группы, в которой вы находитесь. В то время как совершенно ясно, что эти сообщества, которые встречаются за закрытыми дверями, чтобы сотрудничать, как правило, работают против обычного населения. Потому что они продвигают повестку дня, за которую мы все не голосовали, о которой мы часто ничего не знаем, если не занимаемся активным поиском, исследованием и изучением. То есть для меня это не имеет ничего общего с заговором. Во многом это организованная преступность. Ведь если я имею мандат политика и должен представлять волю народа – если так можно сказать – то я, конечно, должен прислушиваться к воле народа. Но есть известное исследование Принстонского университета, о котором я всегда с удовольствием упоминаю, проведенное в 2017 году, если я не ошибаюсь, или в 2015 году, в котором было изучено, какова корреляция [здесь: совпадение] между волей избирателей и реальной политикой, и она равна нулю. Тогда в одной американской публикации был такой заголовок: «Америка больше не является демократией, Европа должна быть начеку, что будет дальше». С этой точки зрения, можно назвать это теорией заговора, но это только люди, которые либо активно занимаются пропагандой, либо хотят дискредитировать нас. Или это люди, которые не занимались этим и в более широком смысле пытаются понять, что означает сотрудничество, когда ты считаешь себя частью касты, которая владеет или, по крайней мере, контролирует большинство средств производства, технологий, промышленности. Поэтому, да, я скорее смеюсь над этим термином. Я не воспринимаю его всерьез.

Kla.TV: Дело в том, что члены этой касты не ладят друг с другом, потому что власть соблазняет захватывать все больше и больше – всегда быть единственным. Как она вообще держится? Можно себе представить, что на протяжении поколений у них есть план, которому они следуют, хотя они не способны действительно сотрудничать – как, например, сейчас на уровне общины, где люди хотят сделать что-то для деревни. Как это себе представить? Как работает такая сплоченность?

Том-Оливер Регенауэр: В менеджменте любят говорить об «управлении по политическим принципам». То есть устанавливаются ориентиры, и в принципе это что-то вроде трансгуманизма, евгеники или технократии. То есть вы движетесь в одном направлении, руководствуясь неким нарративом, идеологией, концепцией. Конечно, на этом пути есть повороты и препятствия.

Есть, конечно, и внутренние конфликты. В Америке это очень хорошо видно: там есть консервативный блок, который в свое время состоял из Джорджа Буша, Дика Чейни и так далее. И вся эта клика представляет собой консервативный блок власти и семейный клан, который уже более 100 лет — особенно семья Бушей — пользуется властью в Америке. И, конечно, есть более демократически ориентированный блок власти — например, Байден (в более молодом возрасте), Джордж Сорос и Билл Гейтс, которые являются финансистами этого более левого блока. В настоящее время у власти находятся консерваторы. Затем у нас есть финансисты, такие как Питер Тиль, который считает себя либеральным консерватором. Конечно, между ними идет внутренняя борьба за власть, потому что в конечном итоге речь идет о том, кто будет сидеть во главе стола, и кто будет иметь право голоса при новом мировом порядке или в нынешней системе. Так что между ними, безусловно, есть конфликты. Но что остается неизменным [стабильным, постоянным], так это то, что они всегда действуют в соответствии с определенной повесткой дня. То есть всегда в направлении технократии. Это сейчас можно наблюдать и в Германии. В принципе, неважно, кто

находится у власти, даже после выборов. Продолжается продвижение «зеленой экономики» с отслеживанием выбросов CO2 и торговлей квотами на выбросы. Все это не будет отменено или изменено. Напротив, теперь появился полный биометрический контроль с помощью электронных удостоверений личности и цифровых кошельков [электронных кошельков на смартфонах] и подобных инструментов. Обоснования: у нас сейчас миграционный кризис, мы должны укреплять внутреннюю безопасность и лучше подготовиться. Поэтому мы теперь внедряем биометрию и электронные удостоверения личности, чтобы, как и в Америке, предотвратить фальсификации на выборах и т. д., в то время как предыдущее правительство внедряло ту же систему, ту же биометрию, хотело того же массового наблюдения, но из-за другого потенциального риска, а именно из-за вируса. Тогда сказали, что для здоровья и глобального здравоохранения нам срочно нужны биометрический контроль, отслеживание 2G или 3G и QR-коды [фиктивное, в основном мрачное видение будущего]. В итоге получается та же модель, ничего не меняется. Меняется в принципе только маркетинговый инструмент. То, как пытаются как-то преподнести это населению.

Kla.TV: То есть, различные группы, которые не ладят друг с другом, но имеют общую цель. Я чувствую, что они хотят отобрать как можно больше у обычного населения. Будь то интеллектуальное или материальное, чтобы оставить это себе. Это скорее отдельные люди, семьи, крупные корпорации? Как выглядят эти структуры власти?

Том-Оливер Регенауэр: Боже, сколько же будет длиться эта история? Это огромная сеть, на такой вопрос невозможно ответить точно. С одной стороны, конечно, есть семейные кланы, такие как Буши, которые, в принципе, уже 100 лет занимают влиятельные посты в американской политике, скопляют ресурсы и, по сути, являются преступным кланом, который то и дело приходит к власти или уже был у власти. Кеннеди не намного лучше. Они заработали свои деньги на опиуме, оружии и контрабанде алкоголя и стали влиятельными. Вся восточная часть США, в принципе, основана на преемниках «Ост-Индской компании» [бывшая британская торговая компания, имевшая монополию на торговлю с Индией] и на торговле опиумом. Всё это доступно в основных СМИ: Гарвард, Принстон и все эти университеты были основаны бывшими опиумными баронами. И Кеннеди не являются исключением. С одной стороны, безусловно, существуют эти семейные кланы. С другой стороны, есть такие группы, как Бильдербергская конференция. Здесь, конечно, интересно, что с одной стороны есть Джордж Сорос, Питер Тиль или Эрик Шмидт, которые в принципе публично представляют противоположные идеологии. Один из них – левый демократ, в случае Эрика Шмидта, бывшего главы Google, а другой – правый либерал-консерватор, Питер Тиль. Таким образом, в публичной сфере и в СМИ они занимают диаметрально противоположные позиции, но затем встречаются на конференции Бильдерберге, где оба входят в «руководящий комитет», то есть в круг руководителей. Это подразумевает, что там обсуждается нечто иное, чем то, что мы видим в СМИ, где, вероятно, большая часть — просто шоу или попытка публично обеспечить себе долю голосов избирателей или власть, в то время как на заднем плане продолжается процесс цифровизации, трансгуманизма, и там все прекрасно понимают друг друга. Ведь в частной жизни эти люди, как правило, дружат. Это всегда видно в Бундестаге, когда говорят, что мы спорим в ток-шоу – как-то так: зеленые против ХДС и левые против АдГ. А потом в конце они стоят где-нибудь в группе, смеются друг с другом и веселятся. По сути, это клуб. А то, что нам показывают публично, – это, как правило, что-то вроде мыльной оперы.

Kla.TV: Да. Вы очень сильны в том, чтобы обнародовать такие вещи. Как вы добиваетесь того, чтобы люди вас слушали?

Том-Оливер Регенауэр: Во-первых, я вовсе не хочу, чтобы меня слушали. Я хочу, чтобы люди слушали себя, свою интуицию, внутренний голос и собственную совесть. Потому что, как я только что сказал, нет права господствовать. Нет никого, кто мог бы предписывать что-либо вам или мне. Единственное, чем мы должны руководствоваться в жизни, – это наше личное понимание реальности. А это каждый должен решать для себя очень субъективно. То есть, в принципе, я собираю информацию, а затем предоставляю ее в распоряжение читателей, причем указываю все источники, которые я использовал для своих выводов, чтобы читатели могли самостоятельно проанализировать информацию и прийти к тем же выводам. Я обычно нахожу их очень логичными и не знаю, как можно прийти к другим. Но каждый волен решать это сам. Я вовсе не хочу, чтобы люди мне верили. Самое неправильное, что можно сделать, — это просто перенимать мнения, адаптировать их и верить кому-то. Нужно слушать только себя. И что я считаю важным, так это то, что мы используем правильные термины. Если я называю себя «конспирологом», «теоретиком заговора» или чем-то в этом роде, я, конечно, делаю людям одолжение. В моих текстах вы не найдете таких терминов. Ведь речь всегда идет не о заговорах, а об организованной преступности. И здесь, в принципе, действует очень простое правило: следуй за деньгами. То есть следуй за деньгами, как это сделал бы любой криминалист, любой комиссар, который хочет раскрыть преступление. Я делаю то же самое. И с помощью любой из моих статей вы можете вести судебный процесс и имеете хорошие шансы выиграть, потому что в принципе все доказано. И не с помощью какого-то видео на YouTube от господина X, который от кого-то слышал, что, возможно, так и есть, а, как правило, с помощью оригинальных документов ЮНЕСКО, ЦРУ и т. д. Тогда можно самому прочитать, что эти люди на самом деле делают и пишут, что они объявляют, что они признают и допускают в ретроспективе [оглядываясь назад] – что часто происходит только через десятилетия. Поэтому нужно использовать правильные термины. Вот почему у меня есть такие термины, как «экономика наблюдения» [сбор, анализ и коммерческое использование (покупательского) поведения посредством постоянного наблюдения и анализа данных]. По сути, это не просто полноценное наблюдение, а зарабатывание денег на полноценном наблюдении. Ведь крупные технологические концерны, которые сегодня добывают золото нашего времени – то есть данные – зарабатывают на этом, конечно, огромные деньги. Но они также передают эти данные правительству или спецслужбам. Те, в свою очередь, получают доступ к отдельным еретикам, неверующим критикам, которые каким-то образом высказываются против государства, делегитимизируя его. То есть это очень нездоровая сеть. И Бенито Муссолини в свое время назвал это идеальной формой фашизма: «Корпоративизм. Когда государство и корпорации сливаются в одну нездоровую структуру власти». И именно это мы и имеем. Поэтому эта структура власти такая огромная, запутанная и трудно поддающаяся ограничению, потому что политика в принципе уже давно ничего не решает. В принципе, уже давно решения принимают наднациональные организации, их агенты, их «мозговые центры» и нечто вроде ООН, которые затем предписывают нам повестку дня на 2030 год и цели в области устойчивого развития, за которые никто из нас никогда не голосовал, но которые затем реализуются и внедряются соответствующими национальными правительствами. В принципе, это противоречит воле населения, которое за это не

голосовало и не имеет права голоса. Поэтому для меня политика – это всего лишь исполнительный орган наднациональной структуры, которую называют не мировым правительством, а глобальным управлением. И это, безусловно, в конечном итоге приведет к еще более сильной структуре глобального управления. По крайней мере, когда нам придется платить ООН налог на устойчивое развитие, о чем уже говорилось. Но национальные правительства, конечно, останутся. Потому что это то, что мы видим. Это то, где я могу имитировать демократию, голосовать и давать избирателям ощущение, что они участвуют [принимают участие], но в конечном итоге это не соответствует действительности.

Kla.TV: То есть, в некотором роде опасное единое мировое правительство, которое будет сидеть где-то в Женеве или Нью-Йорке, скорее всего, не появится, а останутся те подразделения, которые у нас есть сейчас?

Том-Оливер Регенауэр: Точно, это и не продается. Если я хочу и дальше выступать в СМИ с моделью демократии и говорить, что это лучшая демократия всех времен, то я, конечно, не могу пойти и сказать, что теперь у нас есть мировое правительство, состоящее из восьми пожилых господ, которые собираются в закулисы и принимают решения за весь мир. Конечно, так не пойдет. Люди это тоже знают. Поэтому национальные правительства, конечно, будут существовать и дальше. Но будут появляться все новые инструменты, требующие и обеспечивающие наднациональный [надгосударственный] суверенитет – как сейчас, например, этот договор ВОЗ, который, конечно, в сфере здравоохранения обеспечит, когда больше не национальные правительства, а наднациональная структура будет диктовать, что происходит в отдельных странах.

Kla.TV: Почему, по Вашему мнению, люди терпят такое? Ведь все больше и больше людей понимают, что они недовольны своими правительствами и, возможно, даже приветствовали бы новое начало и даже согласились бы на мировое правительство.

Том-Оливер Регенауэр: Да, удивительно много людей, которые считают это не таким уж плохим. Но в основном это люди, которые не смотрят на вещи внимательно. Тот, кто считает себя демократом – особенно сейчас в Швейцарии, где демократия основана на принципе прямой демократии – хочет влиять на жизнь своего сообщества.

Это означает, что он хочет иметь право голоса, участвовать в принятии решений, высказывать свои аргументы «за» и «против», а затем каким-то образом прийти к консенсусу. Это и есть суть демократии. Это процесс, часто сопровождающийся конфликтами, дискуссиями, дебатами, которые в конечном итоге должны быть разрешены. Но в реальности этого не происходит. Я думаю, что многие люди не имеют реального представления о том, что происходит, потому что в обычной повседневной жизни у них просто нет на это времени. Кто имеет время по вечерам четыре, шесть, восемь часов заниматься какими-то исследованиями, если не будет иметь его хорошо изложенным в книге?

Kla.TV: Когда разговариваешь с людьми на улице, создается впечатление, что все как-то плывут по течению, испытывают скрытое недовольство, но на самом деле ничего не делают. В СМИ нам внушают, что свободные журналисты, такие как Вы и я,

составляют не более 20 процентов населения. Так ли это на самом деле?

Том-Оливер Регенауэр: Нет, я так не думаю. Я всегда привожу в пример референдум в Швейцарии, который проводился по вопросу закона о Covid. Первый референдум отклонил этот закон. Я посмотрел на эти прогнозы – и в какой-то момент, я думаю, результат был следующим: 47 процентов отклонили этот закон, что в конечном итоге означало, что он все-таки был принят. Но 47 процентов населения уже тогда, на первом референдуме, высказались против внедрения этого режима – слежения и, в конечном итоге, системы контроля. И я считаю, что большая часть медийного освещения этого критического явления совершенно преувеличена. Ведь, конечно, нужно дать людям понять, что они какая-то странная, сумасшедшая, критически настроенная часть населения и что они составляют абсолютное меньшинство. Да, тогда они чувствуют себя бессильными. Естественно, это вызывает чувство беспомощности и бессилия, заставляя людей сидеть дома на диване в апатии и, конечно, злиться, что они ничего не могут сделать. Но я смотрю на это совсем по-другому, потому что, как я уже сказал, когда вы ходите по городу, в аналоговом пространстве, и разговариваете с людьми, довольно редко встретишь кого-то, кто действительно считает, что все это хорошо, кто в восторге от немецкого правительства, от американского правительства, будь то Трамп или его предшественники, или от швейцарского правительства. Вы вряд ли встретите кого-то в общественном месте, в баре, в поезде, кто был бы в восторге от этого. Люди, которых я вижу, которые действительно говорят об этом положительно, составляют меньшинство. Это 20, 18, 25, 15 процентов, в зависимости от того, куда вы едете, может быть, даже 30 процентов. Но я считаю, что это меньшинство. И я думаю, что 60–70 процентов населения поняли, что их обманывают, что это фасад и что недовольство очень велико. Я считаю, что из этих – назовем их 60 или 70 процентов – значительная часть еще не осмеливается высказаться публично. Потому что, конечно, есть страх, что об этом узнает работодатель, что это может повлиять на работу, что, возможно, больше не примут в теннисный клуб или стрелковый клуб, что в кругу друзей тебя будут считать изгоем, который выдвигает какие-то странные теории. Но я считаю, что если – и это мой опыт – если открыто говорить об этом, то очень быстро становится ясно, что достаточно много людей относятся к этому всё-таки критически. Важно только не использовать термины, которые нам навязывает правящая каста, и которые использует пропагандистский аппарат. Так что не говорите о климатических изменениях. Если кто-то заговорит с вами о климатических изменениях, говорите об охране окружающей среды. Если кто-то говорит о накоплении капитала и злых миллиардерах, таких как Илон Маск, то поговорите о злых миллиардерах, таких как Сорос и Гейтс, и они в конечном итоге также организуются в преступные группировки и сотрудничают, чтобы ввести вещи, за которые мы все не голосовали. И постарайтесь называть вещи более точными терминами. Это не теории заговора, это организованная преступность и журналистские расследования, это криминалистика, и когда речь идет о полицейском государстве, речь не обязательно идет именно о полицейском государстве, а об экономике наблюдения, потому что это очень тесное взаимодействие корпораций, государственного аппарата и спецслужб. Итак, если вы пытаетесь подойти к людям, используя правильный словарный запас, вы можете очень конструктивно поговорить даже – в кавычках – с противоположной стороной. Я постоянно сталкиваюсь с этим, когда разговариваю с людьми, которых можно было бы назвать полностью „просветленными“ [имеющими повышенное сознание расизма и отсутствия социальной справедливости] или „совершенно другого толка“, которые

могут отлично поговорить со мной на эту тему, потому что я тоже за защиту окружающей среды и никто не любит микропластик в еде. Я тоже не поддерживаю супермиллиардеров, таких как Маск, Сорос или Гейтс, которые могут купить своим деньгами столько влияния, что в Америке и Африке убивают людей лекарствами, проводя какие-то кампании, которые в принципе приносят только вред. От стерилизации до смертей – все, что происходило в прошлом. Так что, если вы пытаетесь просто привлечь людей – и я думаю, что здесь каждый должен посмотреть на себя – потому что, конечно, очень многие люди все еще очень разочарованы коронакризисом, своими соседями, своим работодателем. Но если ты немного лучше информирован и немного больше понимаешь, чем другие, и прозрел, то у тебя есть ответственность немного уступить, быть более разумным и все же идти навстречу людям. Потому что мы – один вид, мы должны каким-то образом делить это жизненное пространство, и если мы будем продолжать раскалываться на сторонников и противников коронавируса, сторонников и противников миграции, сторонников Трампа, противников Трампа, Мерца и BlackRock в Германии, то чем больше таких разъединяющих нарративов будет закидываться населению, тем больше мы будем иметь дело с самими собой и с конфликтами в горизонтальной плоскости. В то время как проблема – мы видели это в 2008 году во время движения Occupy Wall Street – проблема находится наверху, и последний раз, когда люди, левые и правые, смотрели вверх, это было во время Occupy Wall Street. Тогда был важный импульс, охвативший весь спектр, когда люди поняли: это центральные банки, это крупные банки, которые мы должны спасать своими деньгами, своими налогами в миллиардах. И у них не было этого конфликта по горизонтали. А после этого, особенно в Америке, снова возникло движение «Чайная партия» и то, что стало прогрессивным «пробуждением» [прогрессивное повышение осознания расизма и отсутствия социальной справедливости]. И снова люди оказались в горизонтальном конфликте и бьют друг друга по головам, вместо того чтобы действительно решить проблему, а для этого, как правило, нужно посмотреть вверх.

Kla.TV: Да, да. И в какой степени мы сейчас зависим от этого процесса, или можем ли мы сопротивляться, защищаться от того, что с нами собираются сделать? Мы соглашаемся с этим и поэтому даем этому власть. С другой стороны, если мы берем власть в свои руки, мы отнимаем у них – так сказать, эти возможности. Чем больше людей это делают, тем больше и обширнее становится данный процесс. Что Вы посоветуете людям, что им делать?

Том-Оливер Регенауэр: Прежде всего, нужно понять, что чем больше пропаганды, тем больше сомнительных, часто шизофренических нарративов выбрасывается в пространство, тем больше происходит манипуляции общественным мнением. Сегодня тема А, и нужно возмущаться по поводу темы А. На следующий день тема Б, и нужно возмущаться по поводу нее. Чем чаще это происходит, тем явнее признаки того, что в башне из слоновой кости царит паника, потому что, естественно, на протяжении десятилетий уровень доверия к политике и государству падает. Падает уровень доверия к общественному вещанию. Падает уровень явки на выборы. Это означает, что все больше и больше людей явно осознают, чем ими правят, и что это не имеет ничего общего с демократией, разочаровываются и отворачиваются. И большинство, конечно, делают это в определенной агонии [резигнации] – то есть в разочаровании – что просто не хотят больше этим заниматься, а просто сосредотачиваются на личной жизни, на вещах, на которые можно повлиять. И это, в принципе, правильно. Если бы я

не занимался этим в журналистике, я бы тоже часто не смотрел на такую ерунду, потому что часто то, что нам подают, просто оскорбляет наш разум, это гротескный storytelling [превращение сухих фактов в захватывающие, но не обязательно правдивые истории]. Но что на самом деле нужно посоветовать людям, так это осознать: нас все-таки больше! Если взять соотношение правительства с его полицейскими силами или бюрократическим аппаратом и сопоставить его с количеством людей, живущих в этой стране, то мы увидим огромный разрыв между аппаратом – государственным аппаратом, системой, как угодно назовите – и населением, которое на самом деле обладает властью. В этом и заключается идея демократии, что носитель власти – народ. Особенно в Швейцарии это чувство очень сильно, и очень быстро возникает ощущение, что из федерального Берна тебе как-то диктуют, что делать, если тебя не спрашивают. – Теперь у нас есть эти рамочные соглашения с ЕС, в которых говорится: «Нужно как-то обойти референдум, чтобы он не поступил на рассмотрение в Совет кантонов». – Пытаются как-то выкрутиться. И люди просто должны активно участвовать. Демократия – это процесс. Если вы считаете это «лучшей моделью» – и, вероятно, это одна из лучших моделей, которые мы знаем и имеем, и у нас есть определенный практический опыт – если вы хотите участвовать в этом и активно добиваться какого-то положительного результата, то вы должны быть вовлечены в этот процесс, и именно на местном уровне. Потому что из Хура невозможно повлиять на Федеральный совет в Берне. Но что можно сделать, так это привлечь внимание местной администрации, внести свой вклад, задать акценты. И если это сделает достаточное количество муниципалитетов, а затем достаточное количество мэров муниципалитетов в кантоне, а кантон, в свою очередь, в Берне, то тогда у нас будет достаточно силы, чтобы что-то изменить. Коронавирус, безусловно, развивался бы совсем по-другому, если бы не было столько свободных СМИ и столько оппозиции. Так что действуйте, вставайте с дивана и не воспринимайте кризис как художественный фильм. Это наша жизнь, всех нас, и ее можно формировать, потому что будущее не предопределено [заранее], его еще можно изменить.

Kla.TV: Да, спасибо за оценку и за то, что поделились с нами своими знаниями. Есть ли что-нибудь, что Вы хотели бы сказать зрителям в заключение?

Том-Оливер Регенауэр: Да, это было почти заключительным заявлением, но нужно понимать, что ты сам – это сила, изменение, позитивное будущее и что жизнь прекрасна. Жизнь прекрасна, и все остальное, что пытаются нам внушить – будь то страх, желание напугать нас войнами, цифровизацией и т. д. – все это средства управления. Жизнь прекрасна. Нужно вести мотивированную, счастливую, полноценную жизнь со своей семьей, в своем местном окружении и ни в коем случае не поддаваться страху или агонии [покорности], в которые нас пытаются ввергнуть СМИ – в которые нас пытается ввергнуть пропагандистский аппарат, – потому что тогда они достигнут своей цели. Будущее не для того, чтобы его предсказывать, а для того, чтобы его создавать, как однажды сказал Антуан де Сент-Экзюпери. И я считаю, что это нужно делать, ведя активную и счастливую жизнь, потому что счастливая жизнь – это настоящая революция.

от dec./sl.

Источники:

„HOPIUM“ von Tom-Oliver Regenauer bestellen, 3. Band seiner Reihe „Texte zu Zeitenwende, Technokratie und Korporatismus“:

<https://shop.tredition.com/booktitle/HOPIUM/W-647-217-513>

Webseite von Tom-Oliver Regenauer

<https://www.regenauer.press/>

Biografie von Tom-Oliver Regenauer

<https://www.regenauer.press/profil>

„Machtstrukturen & Medien – Wer regiert wirklich?“ Tom-Oliver Regenauer im Interview

<https://www.youtube.com/watch?v=5VkRni0dbNY>

Может быть вас тоже интересует:

#yevgenika - Евгеника - www.kla.tv/yevgenika

#transgumanizm - Transgumanizm - www.kla.tv/transgumanizm

#VaznojeVideo - www.kla.tv/VaznojeVideo

#intervyu - Интервью - www.kla.tv/intervyu

#Tom-OliverRegenauer - www.kla.tv/Tom-OliverRegenauer

Kla.TV – Другие новости ... свободные – независимые – без цензуры ...

- ➔ О чем СМИ не должны молчать ...
- ➔ Мало слышанное от народа, для народа...
- ➔ регулярные новости на www.kla.tv/ru

Оставайтесь с нами!

Бесплатную рассылку новостей по электронной почте

Вы можете получить по ссылке www.kla.tv/abo-ru

Инструкция по безопасности:

Несогласные голоса, к сожалению, все снова подвергаются цензуре и подавлению. До тех пор, пока мы не будем сообщать в соответствии с интересами и идеологией системной прессы, мы всегда должны ожидать, что будут искать предлоги, чтобы заблокировать или навредить Kla.TV.

Поэтому объединитесь сегодня в сеть независимо от интернета!

Нажмите здесь: www.kla.tv/vernetzung&lang=ru

Лицензия: *Creative Commons License с указанием названия*

Распространение и переработка желательно с указанием названия! При этом материал не может быть представлен вне контекста. Учреждения, финансируемые за счет государственных средств, не могут пользоваться ими без консультации. Нарушения могут преследоваться по закону.